

Олег КУЛИК, художник: Когда говорят о порнографии, имеют в виду порнографию ума

В черногорском Цетине проходит одна из крупнейших в Восточной Европе биеннале современного искусства с участием художников из разных стран, в том числе из России. Самый большой и яркий проект показал Олег Кулик. На одной из старинных площадей он установил огромную, почти 4 метра в высоту, стеклянную скульптуру быка с коровой под названием «Оранжевая пара». С Олегом КУЛИКОМ встретился обозреватель «Известий» Николай МОЛОК.

— Это та самая скульптура, которую три года назад вам запретили ставить в Париже?

— Да, но я заработал на этом 30 тысяч долларов компенсации.

— Почему французы запретили?

— Мэром Парижа тогда еще был не нынешний замечательный демократ и гомосексуалист, а корсиканец — консерватор и охранитель традиционных ценностей. В последний момент, когда машина со скульптурой уже выезжала из Москвы, он увидел эскиз и сказал: «Да вы что, тут же дети будут». Ведь она должна была стоять в публичном месте — на Елисейских полях, это был фестиваль скульптуры, на который пригласили сто лучших современных художников. Я оказался единственным, кому не разрешили выставить свой проект. Хотя композиция очень схематичная. Жалко, что не получи-

лось большого скандала. Была альтернатива — либо скандал, либо французы покупают другую мою инсталляцию и делают две мои выставки. Мой галерист хотел, чтобы случился скандал. Но я настоял, что я художник и что мне скандальное имя менее важно, чем участие в художественном процессе. И вот сейчас одна из этих выставок висит в самой мэрии Парижа. Причем выставка эта — «Семья будущего», по идее гораздо более скандальная, чем «Оранжевая пара». Ведь хотя на ней речь идет об этических и социальных проблемах, но формально это выглядит как опозтизированный акт зоофилии. Но если гомосексуалист может занимать пост мэра, почему художник не может быть женат на собаке. Выглядит все очень демократично.

(Окончание на 8-й стр.)

Олег КУЛИК, художник:

Когда говорят о порнографии, имеют в виду порнографию ума

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

— А какая реакция на скульптуру была в Черногории?

— Это сельскохозяйственная страна, и никаких скандалов там вообще не было. Там есть религиозные или идеологические запреты — на что на Западе вообще не обращают внимания. А моя скульптура смотрелась вполне органично. Всех скорее интересовало ее техническое устройство. Бык наполовину залит водой, а корова засыпана землей, на которой растут цветы. Каждые пять минут струя воды бьет в сердце коровы, которое сделано в виде красного разбрызгивателя. Сердце начинает бешено колотиться и корова покрывается каплями воды. То есть акт оплодотворения — союз Земли и Воды. Это очень понятно крестьянскому сознанию, агрессивному, прямому. Во время вернисажа там играли музыку и плясали вокруг скульптуры. Получился праздник земледелия. В центре плясал принц

Черногории (один из инициаторов Цетинской биеннале. — «Известия»).

— Какие у вас в целом впечатления о Цетинской биеннале?

— Сам город, горы, люди, сама атмосфера настолько радостная, открытая, светлая, свежая, что биеннале несколько тонет в ней. Это, конечно, немножко туристическая, курортная биеннале. Хотя на ней было много западных художников, но по своему духу она получилась восточноевропейской — у художников было какое-то пренебрежение к исполнению своих работ. Много было недоделанных, сырых вещей — непонятно, то ли это свалка шин, то ли инсталляция. Самыми интересными оказались те проекты, которые работали непосредственно с контекстом. Например, художница Таня Машукова стала фотографировать местных людей, местные пейзажи, потом отпечатала снимки — довольно плохо, как там это возможно, но попала в цвет города. И в ресторане сде-

лала выставочку. Я считаю, это идеальная работа для Цетинской биеннале. Или проект местных — черногорских — художников. Там большая проблема с жильем — много пустующих домов, нет денег. И вот в центре стоит такой почти разрушенный дом, художники лампочками осветили окна, повесили балдахин, а перед входом положили собаку — долматина. Получился палас-отель. Вот это работает с окружающим пространством. А когда художник, какой-нибудь француз, привозит работу про свою личную драму, как он из какого-то кокона вылезает, это очень странно смотрится. Высоко в горах, красивая страна, черные от загара люди — в этом контексте она вообще не понятна. И зачем она здесь?

— Это не первый ваш проект в Черногории. Вас там любят — вы представляли Черногорию в их национальном павильоне на последней Венецианской биеннале.

— В Черногории две художественные линии. Есть принц Нико-

ла Петрович, и есть местные интеллектуалы во главе с Петром Чуковичем, директором Музея современного искусства и куратором югославского павильона на последней Венецианской биеннале. Чукович не поддерживает идею Цетинской биеннале, поскольку считает, что страна не готова. У меня с ним очень хорошие отношения, но и с принцем тоже хорошие отношения. Вот меня и зовут и те, и другие.

— Какая реакция была в Черногории на ваше участие на Венецианской биеннале?

— Очень позитивная. Все крутилось вокруг того, почему пригласили русского. По традиции в павильоне Югославии на Венецианской биеннале выставляют одного сербского и одного черногорского художника. В этот раз вместо них выбрали меня. Сербка было нельзя по политическим причинам — Черногория в тот момент разводилась с Сербией. Черногорца не взяли потому, что не потянет. Оставался выбор меж-

ду Востоком и Западом, между русским и американцем. Если бы пригласили американца, была бы резкая критика. Вот и позвали меня. И выбор куратора был понят и принят. Но и выбор этот был заранее подготовлен и мотивирован. Не как у нас делается — либо невнятный выбор, либо коррумпированный, либо скрытый, когда он вроде логичен, но возникает внезапно и всех повергает в шок. В Черногории все было сделано на уровне. Кроме небольшого финансирования — это был минимум, который могла позволить воюющая страна. Но даже этого хватило, чтобы сделать проект.

— А Цетинская биеннале оплатила «Оранжевую пару»?

— Нет, ее я делал на деньги, заработанные еще в начале 90-х. Это же старая работа — 1993 года. Она была сделана для Копенгагена, где проходила одна из первых больших выставок нового русского искусства. И с тех пор она у меня хранится в разобранном виде,

и каждый месяц эти бык с коровой жрут по 30 долларов только за хранение.

— Что с ними будет дальше?

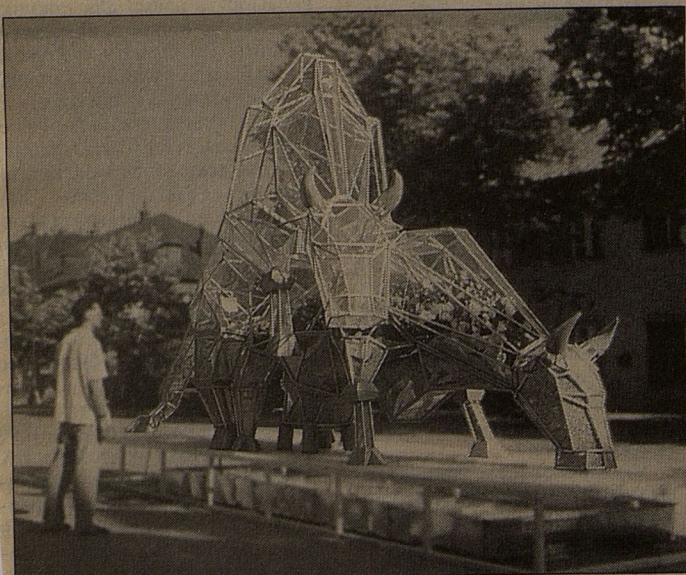
— Вернутся в Москву.

— Здесь вы их будете показывать?

— Я их показывал в 1995 году на выставке к юбилею галереи Гельмана.

— А в публичном пространстве — на улице?

— Сейчас готовится фестиваль инсталляции, для него я делаю другую работу, но мог бы показать и эту. У нас страна тоже вполне аграрная, и, я думаю, люди к этой работе отнесутся вполне нормально. Насколько я понимаю, когда предъявляют претензии к порнографии, имеется в виду все-таки порнография ума, некоторая извращенность мысли. Если бы было два быка — тогда порнография. А так, я думаю, моя скульптура будет воспринята гораздо лучше, чем многие другие, требующие напряжения.



Олег Кулик. «Оранжевая пара»

31.07.02